

Константин ФИЛИМОНОВ

**СБОРНИК
ПРОЗЫ**

КРАМ

И

РОБИН

(сказка для взрослых детей)

Италия, Рим

2013 г.

*Маленькому мальчику Марку Рудинштейну,
которым был когда-то мой старый друг,
ПОСВЯЩАЮ...*

В одном большом доме жил старенький гном...

Почему-то принято считать, что если в сказке появляется «гном», да еще и «старенький» – так обязательно это должен быть вредный такой коротыш, который постоянно всем делает пакости.

Ничего подобного!

В жизни (а не в сказке) часто встречаются о-очень большие (ростом и чинами) нестарые люди, которые только и делают, что одни сплошные гадости. Ложатся спать эти молодые великаны, и придумывают: «*Кому бы еще завтра какую-нибудь пакость учинить?..*» И пока не придумают – заснуть не могут! Такие вот бывают Большие Люди!..

Так что – нечего наговаривать на гномов...

Наш гном был хоть стареньким и маленьким, но очень-очень добрым! Звали его Крам. Кстати, Крам – в переводе с гномского означает «Друг». Но вот друзей-то у Крама как раз и не было!..

Гном любил играть с домашним котом, которого все называли Робин. А еще Крам любил смотреть телевизор – особенно мультики и захватывающие боевики (но чтобы обязательно присутствовал «*HappyEnd*»)! А еще он любил ночами глазеть в окно! Уцепится Крам коту за шею, Робин запрыгнет на подоконник и так они вместе и сидят – молча смотрят на луну и звезды. Красиво очень! А Крам любил, когда красиво!..

Да, пожалуй, Робина можно считать другом, но какой-то он очень уж плутоватый! Стоит хозяйке на кухне отвлечься, а кот уже тут как тут – прыг на стол и сопрет что-нибудь повкуснее!

Уж хозяйка его и ругала! Уж хозяин в него и тапкой неоднократно бомбардировал! Но... такая вот у Робина была натура воровская!

– *Не могу я без этого!* – огорченно и вполне искренне признавался кот гному. – *Вот вроде бы и кормят меня сытно, и каждый день – молоко, а*

иногда и сметана перепадает, а лапы так сами и тянутся что-нибудь спереть со стола, пока хозяева не видят!..

- Ты уж как-нибудь сдерживай себя! Раз не украдешь, два, а потом, глядишь – это войдет у тебя в привычку! – урезонивал Крам.

- Да не могу я! Объясняю же тебе!.. – отмахивался хвостом Робин. – Пробовал! Уж и так бывало сяду, и так лапы под себя подожду, а они сами – прыг на стол и какой-нибудь кусок повкуснее – «Мяу!» – и нету!.. Я даже иногда опомниться не успеваю, а уже украл и съел!.. Э-эх-х...

Крам пожимал плечами и тоже тяжело протяжно вздыхал: «Уф-фу-фу-у!», но посоветовать больше ничего не мог – не силен он был в кошачьей психологии.

Надо сказать, что у Робина имелся еще один весьма существенный недостаток! – кот очень любил спать! Утром спит, как сурок. Потом позавтракает вместе с хозяевами и, если нечего украсть, снова спит. Днем спит, вечером спит, поужинает и всю ночь дрыхнет, аж мурлычет во сне! Каждый день кота, как день сурка!.. Хорошо еще, что Робину хотя бы в полнолуние не спится, а в остальные дни – увы... Захочешь поиграть – не добудишься!..

Ну как с таким дружить? Не дружба, а сплошное ожидание!..

Вот так и скучал наш добрый старенький гном в одиночестве.

От скуки даже стихи стал писать.

Гляжу я в темное окно

О, где же ты мой друг!

Чего-то одиноко мне!

А Робин снова спит...

Когда Крам, волнуясь, прочитал это стихотворение коту, Робин прищурился, почесал задней лапой за ухом и промяукал:

- Мдяу! Неплохо, неплохо, но, по-моему, чего-то не хватает... Может рифмы?..

Гном немного обиделся, что его поэтическое творение не оценено по достоинству, но, в общем-то, Робин прав – рифмы немного не хватает. В том смысле, что ее нет! А должна быть. Раз уж это стих, то должна быть и рифма!

И гном снова уселся за рукопись. В окончательном варианте его произведение выглядело так:

Гляжу я в темное окно

На улице темно.

Мне одиноко до сих пор!

А Робин рыбу спер...

Теперь обиделся кот. Он недовольно потряс головой, пошевелил усами и резюмировал:

- *Ни в какие ворота! Ну, что это? – «А Робин рыбу спер»?!*

- *Во-первых, так нужно для рифмы! – пояснил гном. – А во-вторых, это правда – ты вчера рыбу с кухонного стола стащил!*

Кот усмехнулся:

- *Ой, уж – «рыба»! Так – малёк с коготок! Я и облизнуться не успел!.. Да и хозяйка ничего не заметила!.. А насчет стихов... Слушай, Крам, бросай ты это дело! Я слышал, что поэты – они все немного того! – Робин покрутил лапой у виска, – «С приветом» они все!..*

- *С каким еще «приветом»? – не понял Крам.*

- *Ну, чокнутые, – понимаешь?.. Ходят из угла в угол, и мурлычат что-то под нос: «Мав-мяу, мав-мяу, мя-мя-мя-мя...»*

Гном покачал головой:

- *По-моему, это зависть! Тебе не дано быть поэтом, вот ты над ними и смеешься!..*

Кот аж на спину завалился и лапами задрыгал:

- *Ой, насмешил! «Не дано»... Любой может от безделья!..*

- *«От безделья»? Ну, ну!.. А ты так уработался – воруеть, ешь и целый день спишь!*

- *Я много сплю, чтобы меньше воровать! – логично объяснил Робин свою жизненную позицию, и саркастически добавил, – А стишки поэты сочиняют от нечего делать!.. Вот ты слоняешься из угла в угол и скуки ради сочинительствуешь!..*

- *А ты сам попробуй!..*

- *И попробую!* – решительно заявил Робин.

- *Давай, давай, – попробуй! А я погляжу!..*

- *И попробую...* – повторил кот, но уже как-то менее уверенно.

Робин запрыгнул на кресло (так он всегда делал, когда хозяев не было дома), но не лег спать. Кот закинул одну лапу на подлокотник, другую приложил ко лбу (он знал, что настоящие поэты именно так «сочиняют») и тихо-тихо что-то замурлыкал.

Крам улегся на мягком коврикe возле кресла, положил голову на хозяйский тапок, который всегда служил ему подушкой, и снизу-вверх стал наблюдать за муками кошачьего творчества. Через несколько минут Робин победоносно спрыгнул:

- *Йес!..*

Гном приготовился слушать, а кот начал ходить по коврику (туда-сюда перед Крамом) и заунывно напевать:

Гляжу я в темное окно

На улице темно!

Мне одиноко до сих пор,

Пойду сейчас посплю...

И гордо глядя на Крама, Робин спросил:

- *Ну как?..*

- *Да-а, мой юный друг!* – загадочно протянул гном. – *Ты и здесь без воровства не можешь! В поэзии это называется «плагиат»!*

Теперь Крам был цензором и почувствовал все преимущества этой профессии: кто-то мучается, сочиняет, а ты сидишь себе вразвалочку и указываешь – *«То не так и это плохо!..»*

Робин усмехнулся в усы:

- *Какой же это «плагиат», если последняя строчка другая?..*

- *Зато все остальные украл! А последняя строчка, которую ты сам придумал – вообще не в рифму!..*

- *Ой, чтоб ты понимал?! Тоже мне – критик! Это «белый стих» – здесь рифма и не нужна!..*

Но Крам был прирожденным цензором, и он пристыдил кота:

- *Спер стихи в рифму, а на последнюю строчку таланта не хватило!..*

Робин надулся и опять запрыгнул на кресло, но теперь уже хвостом к гному. Крам подумал: *«Поэзия поэзией, но, кажется, я его обидел! У меня и так-то друзей нет, а теперь еще и Робин отвернулся!..»*

- *Роби-ин!* – тихонечко позвал гном.

Но кот не отзывался. И Крам позвал его чуть громче:

- *Робин! Не обижайся!..*

Кот резко развернулся и затряс передней лапой:

- Ну что ты ко мне привязался? Не видишь? – я сочиняю!.. А отвернулся, потому что ты меня смущаешь! Так что, мой старый друг – брысь отсюда! Займись каким-нибудь делом!..

И Робин снова повернулся к гному спиной, свесив свой пушистый хвост с кресла. Через мгновение кончик хвоста, как маятник, начал качаться из стороны в сторону. «Сочиняет!..» – догадался Крам. И чтобы не мешать коту-поэту, гном решил посмотреть телевизор – вдруг мультфильмы начались или какой-нибудь «боевичок»!

Крам с трудом забрался на журнальный столик и двумя руками нажал на клавишу пульта. Телевизор включился, но на этом канале ни кино, ни мультфильмов не было – транслировали футбол.

Комментатор орал, как ужаленный:

- Обходит одного, второго!.. Пас в центр! Го-о-о-ол!!! Наша команда выходит вперед!..

В этот момент за спиной Крама раздался истошный протяжный мявк Робина!.. Гном в ужасе обернулся и увидел свирепые кошачьи глаза! Робин дико верещал, будто ему наступили на хвост:

- Ты что совсем с ума сошел? Мявк твою мяу! Ты что ли не видишь, что я пишу? Ты нарочно, да?

- Прости!.. Прости!.. Я не хотел... – испугался Крам, поспешно выключая телевизор.

- «Не хотел!..» – передразнил Робин и, усаживаясь в прежнюю позу, пробурчал, – Сначала мешает, а потом будет говорить, что у меня не получается!..

Крам свесился со столика и, неловко спрыгивая, упал, стукнувшись затылком о деревянную ножку кресла. Почесывая ушибленное место, гном краем глаза обратил внимание, что Робин возмущенно вздохнул.

Крам тихонько улегся на коврик (головой на тапку) и с удовольствием стал разглядывать свои башмачки, про себя рассуждая: «Вот этим туфлям в воскресенье в обед исполняется сто лет, а им еще столько же сносу не будет!.. Да, умели раньше обувь делать! Где теперь такую найдешь?..»

Он так восхищенно любовался башмачками, что даже вздрогнул, когда кот решительно спрыгнул с кресла:

- Придумал!

Встав на задние лапы, Робин громко продекламировал:

Котом быть очень нелегко

Никто наш мявк не слышит!

Кошачья доля – молоко!

Как утешенье – мыши!..

И Робин застыл в нервном ожидании, прожигая Крама горящим от возбуждения взглядом! Стихотворение гному не очень понравилось (а по правде – так совсем не понравилось!), но он сам когда-то был поэтом, и смекнул, что если сейчас сказать коту что-нибудь плохое, то Робин (чего доброго!) может вцепиться в критика всеми когтями и зубами!

Поэтому Крам опасливо одобрил:

- Ты знаешь, по-моему, как поэт, ты растешь просто не по дням, а по часам!.. Рифма сочная! Чувствуется настроение! И сразу понимаешь, что автор все это самолично выстрадал! – перенес, так сказать, все тяготы нелегкого кошачьего бытия!..

Напряженный Робин постепенно обмяк, и блаженная улыбка все шире и шире расплзлась по его довольной морде!

- Но все-таки я бы на твоём месте не торопился... – осторожно добавил Крам, – Отредактируй текст! В конце концов, нет предела совершенству!..

Вдохновленный похвалою Робин коротко кивнул, и ловко сиганул «в свою творческую лабораторию» – то есть на кресло. Кот уселся в той же позе – закрыв глаза и слегка запрокинув назад голову, стал медленно покачиваться. Какое-то время Крам подсматривал за медитирующим поэтом, а потом задремал.

Проснулся гном оттого, что Робин тормозил его лапой.

- Я отредактировал!.. Слушай:

Кошачья доля – молоко,

Рыбешки или мыши!..

Котом быть очень нелегко!

Особенно на крыше!..

Крам уже полностью освоился с ролью личного редактора и рецензента, поэтому для критики избрал самую верную политику: «Прежде чем ругать – похвали!..»

И он похвалил:

- Супер! Очень сильно и стильно!.. Просто восхитительно!.. Хорошо передан глубокий личностный драматизм и читателю сразу «рисует» объемный образ! Опять же – неожиданная рифма! До тебя, мой юный друг, еще никто так удачно не рифмовал «мышь-крыши»! И как вывод: «Котом быть

очень нелегко!..» О, эта фраза сродни классической: «Тобеornottобе...» Только у Шекспира что, – сомнения: «Быть или не быть?..» А ты зришь в корень! – копаешь вишь и вглубь! Ты смело провозглашаешь: «БЫТЬ!» Хоть и «нелегко», но «БЫТЬ!» Bravo! Молодец!..

Робин блаженствовал! – сейчас захлопает ушами и улетит! Настала пора его «приземлить», то есть – немного поругать:

- Только не кокетничай! – тебе это не идет!.. Недостатки, конечно, есть! – как без них?.. Резюмируем... У тебя кот проживает в некой абстрактной стране! – Крам поморщился, – Не надо абстракций!.. Перенеси действие в США и все встанет на свои места! Нынешний американский рынок плохо охвачен современной поэзией! Так вот – будет просто прекрасно, если ты напишешь большую эпическую поэму о суровой жизни гордого кошачьего народа в каменных джунглях нью-йоркских подворотен! Сыграй на патриотизме! – пусть твой главный герой станет таким отважным защитником угнетенных собаками котов!.. Он готовится выступить в Белом Доме с грандиозным докладом о коррупции в высших эшелонах собачьей власти! Чтобы сорвать доклад, коалиция псов готовит покушение, доверяя эту грязную работу кровавым лапам мафиозного клана «Сукины дети»! Но красавица-кошечка Кэт (пусть она будет коренной американкой и работает журналисткой в «Нью-Йорк мяу»!) предупреждает нашего героя о грозящей смертельной опасности! По дороге в Вашингтон – погони, перестрелка... О, Боже! – наш герой тяжело ранен! И все-таки!.. В самый последний момент (окровавленный, но непобежденный!) он на полусогнутых подползает к высокой трибуне! Едва держась на лапах (но хвост – трубой), он читает свой компрометирующий доклад!.. Высокопоставленным псам прямо в зале надевают намордники и на жестком поводке их уводят в вольеры! Красавица-журналистка эротично лижет героя в израненную морду! А разстроганный Президент дружески обнимает кота, поднимает его лапу вверх и назначает героя своим приемником!.. Звучит гимн США! Все поют и плачут от счастья! Наши котики целуются и под громовые аплодисменты покидают зал! Титры! The END...

И только теперь гном, разгоряченный своими эмоциональными фантазиями и демонстрацией захватывающего действия в лицах, устало сел на коврик, облокотившись на тапку:

- Ну что, хороший сюжетец?.. Дерзай, мой юный друг!.. Напишешь, – я покажу это кому-нибудь в Голливуде! По-моему, Джеймс Камерон сейчас без работы, поддержим старика!.. Главный герой – Бред Пит, журналистка – Анжелика Джолли, Президент США – Кевин Костнер (завьем и передержим в солярии для реализма!), ну и в роли главного собачьего

мафиози, как всегда – бульдог Энтони Хопкинс!.. Всё! Садись за работу!.. Ну, а я пока что, пожалуй, посплю...

Робин с радостным «Мяу!!!» запрыгнул на кресло и снова стал качаться, закрыв глаза. А Крам усмехнулся: «Ловко это я придумал про эпическую поэму! По крайней мере, теперь два-три часа могу спокойно отдохнуть!..» И гном вновь задремал.

Проснулся Крам, услышав, как открывается входная дверь – пришли хозяева. И прямо с порога люди возмутились:

- *Робин, ты опять на кресле?..* – крикнула хозяйка.

- *Совсем обнаглел!.. А ну – брысь!* – гаркнул хозяин и грубо скинул меланхоличного «поэта» на пол.

Но Робин не оскорбился. Он забился в дальний угол, чтобы ему никто не мешал, закрыл глаза и, плавно пошатываясь туда-сюда, что-то тихонечко намурлыкивал.

Через час хозяйка налила молоко в блюдечко, насыпала кошачьего корма в чашку и позвала Робина. Но кот и усом не повел!

- *Что это с ним?* – удивилась женщина. – *Возле стола не крутится! Есть не идет!..*

- *Заболел, наверное...* – немного равнодушно ответил мужчина и, включая телевизор, зевнул...

Но Робин заболел творчеством! Вот уже третий день он практически ничего не ел, не пил, не спал, а только сидел целыми днями в углу и что-то жалобно мурлыкал.

Ночами кот и гном забирались на подоконник и Робин (потихоньку – чтобы не разбудить хозяев) читал Краму отрывки из своей героической поэмы с не очень скромным названием «Кот Робин Гуд в Нью-Йорке».

Однажды кот, мечтательно глядя на полную луну, еле слышно признался гному:

- *Я наверняка знаю, что очень скоро на Манхеттене вместо статуи Свободы воздвигнут памятник моему эпическому герою Коту! И еще я даже «вижу» свой собственный портрет на новой пятисотдолларовой купюре! Поэтому уже сейчас (заранее) надо придумать творческий псевдоним. Я придумал два, вот только не знаю, какой из них лучше: «Робин Мяуковский» или «УильмяуШыыксипирр». Второй псевдоним звучит несколько агрессивно – «Шыыксипирр!.. Шыы... рр...» Впрочем, есть в этом какой-то социальный вызов! – ты не находишь?..*

Гном с сочувствием посмотрел на кота и подумал, ужасаясь собственным мыслям: «*А ведь это я во всем виноват! Зачем взбаламутил парня?*» Крам хотел было сказать Робину что-то ободряющее, но вместо этого невольно прошептал:

- Знаешь что... Ты только на меня не обижайся! Но... бросай ты эту поэзию! Посмотри на себя: похудел, осунулся, шерсть скаталась, потому что не вылизываешься уже три дня...

Но Робин будто не слышал Крама. Он измождено вздохнул, закрыл глаза и снова принялся раскачиваться...

В конце недели хозяева не выдержали и отвезли «больного» Робина к ветеринару. В клинике коту вкололи какие-то инъекции и, когда его привезли домой – он уже спал мертвецким сном...

Робин дрых весь день. Проснулся глубокой ночью. На шатающихся лапах он еле-еле добрал до своей чашки и, злобно рыча, сгрыз весь корм, затем жадно вылакал молоко из блюдца, потом тяжело запрыгнул на кухонный стол – что-то слопал и там... За полчаса кот обшарил все углы в поисках съестного и, только после этого, сиганул в кресло.

Глядя сверху вниз на гнома, Робин чихнул, утерся и тихо спросил:

- Крам, что это было?.. Дружище, я ведь чуть с ума не сошел. Черт бы побрал эту поэзию. Теперь, если только увижу какого-нибудь писателя – без предупреждения в морду вцеплюсь.

Сама мысль об этой “жестокой” мести взбудрила кота и развеселила Крама.

И друзья впервые за последние несколько дней беспечно рассмеялись.

РАССКАЗЫ

КАК МЕНЯ ПОДКАРМЛИВАЛ СТАЛИН

«Назад – к Природе!»

(Жан-Жак Руссо)

От автора:

Эта история – быль. Когда я рассказал её Люку Бессону, он долго хохотал, а потом посоветовал мне написать этот рассказ.

Почему именно Люку Бессону – скоро поймете...

* * *

Предыстория довольно-таки гнусная, но, увы, необходимая!..

Шесть лет тому назад ранней весной "затащил" меня в горы один француз, с которым я буквально накануне случайно познакомился на Венецианском кинофестивале.

Звали этого француза Жак. Был он кинопродюсером, и лгуном, каких свет не видывал! Лгал на каждом шагу! Причём так ловко и искусно, что, по-моему, сам верил в то, что говорит.

Но это выяснилось позднее. А тогда я (наивный) все его бредни принимал за чистую монету и свято был убеждён, что Жак кавалер Ордена Почетного Легиона и внучатый племянник Шарля де Голля, что у него огромный

фамильный Замок в предместьях Парижа, что Люк Бессон набивается ему в друзья и что Клаудиа Шиффер донимает его любовными SMS-ками!..

В общем, барон Мюнхгаузен обзавидовался бы!..

А ещё этот Жак был просто помешан на горных лыжах.

Ну, я хоть и спортивный парень, но из меня горнолыжник, как из таракана птица! - мороза, высоты и скорости боюсь ещё с детства!

Но поехал я с Жаком в эти, не к ночи будь помянутые, швейцарские Альпы только потому, что там - в высокогорном фешенебельном отеле - ожидал нас один австрийский банкир, который хотел (по уверениям Жака – *«просто-таки МЕЧТАЛ!»*) дать деньги на экранизацию фильма по моей повести «В 21.00 у отеля LUTETIA...»

Итак, когда мы с Жаком добрались на машине до этого высокогорного отеля, мне уже было дурно! Высота невероятная (под нами облака), а ехали мы по узкой, временами заснеженной дороге. С одной стороны – скалы, с другой – обрыв в преисподнюю, но Жак гнал так, словно боялся опоздать на тот Свет!

Приехали на место (ну, слава Богу!)

В округе – ни души. Тишина режет слух.

А природа – будто из рождественской сказки: величественные горы, голые суровые могучие деревья, девственной чистоты снег и всё это сияет на солнце, сверкает и переливается всеми цветами радуги!

И, среди этой красивейшей божественной первозданности – наш одинокий убогий двухэтажный домик-шале, который, как оказалось, никогда и не был отелем. А уж «фешенебельным» его даже шутя нельзя назвать.

Несколько малюсеньких холодных комнат на втором этаже, а на первом – гостиная с угарным камином и допотопной мебелью, и рядом с гостиной – неисчислимы кладовые комнаты под замками и кухонька, на которой и один человек с трудом развернется.

Жил в этом доме старик Мартин со своим огромным мохнатым псом (помесь сенбернара со слоном), которого дед почему-то называл «Сталиным», а когда ставил перед ним чашку с едой, обращался к псу с почтительной злобой:

- Приятного аппетита, товарищ генералиссимус! Чтоб ты издох!

И вот нас семеро (не считая пса): хозяин Мартин, француз Жак, председатель правления крупного австрийского банка Генрих, его друг американец Льюис (тоже банкир) и две немки неопределенного возраста и рода занятий – Инга и Регина...

Надо отметить, что немецкие женщины, в большинстве своем, никогда не отличались особой красотой, но эти – Инга и Регина – такие страшные, что казались мне ведьмами из сказок Гауфа!

Через какое-то время я начал смекать: *«Что-то тут не то!»*

Ни фуникулеров не вижу, ни лыжников, да и у собравшихся ни у кого горных лыж не замечаю!..

А Жак шепчет мне на ухо:

- Ты только сразу о кино не говори! Генрих не любит, когда сразу о деньгах!..

- Так я, вроде, и не собирался у него ничего просить. Думал, что вы с ним уже всё решили и я нужен только для презентации.

- Так и есть! Так и есть! – залепетал француз.

- Когда мы назад поедем? – спрашиваю я на всякий случай.

- Завтра днем!.. – уверенно отвечает мне Жак.

А через минуту смотрю - он уже в сторонке что-то шепчет Генриху и Льюису, и эти двое как-то весьма странно на меня поглядывают.

А я (пардон!) хочу есть! Но как-то неудобно – скажут: *«Этот русский не успел приехать и мигом за стол!»*

Терплю...

Все своими делами заняты. Инга и Регина на второй этаж поднялись, и носы не показывают. Генрих и Льюис тоже наверху заперлись. Жак мимо меня туда-сюда носится: *«Подожди!.. Подожди!..»* А дед Мартин втихушку принял на грудь изрядную дозу вискаря, развалился в кресле у камина и посапывает.

От скуки я нашел себе развлечение - играю с псом: брошу ему теннисный мячик, а он с радостным лаем несется за ним, сметая на своем пути всё и вся, и назад в зубах приносит. Пес счастлив, а я не очень...

Час играю... Два... Потом поймал-таки Жака.

- Когда ужинать будем?

А он удивленно смотрит на меня:

- Так все уже поужинали!..

- А мы - когда?

- Я тоже уже поел!— говорит Жак.—А ты, если хочешь, то попроси хозяина — он тебе приготовит что-нибудь!

Дед спит в кресле. Я попробовал его разбудить.

Мартин приоткрыл мутные глаза и спросил:

- Ты русский?

Я кивнул, а он отрезал:

- Ваш Хрущев — говно!

И снова заснул.

Судя по всему, старик Мартин перебрался жить в этот домик-шалаш еще в годы «Карибского кризиса», и даже не подозревает, что за это время в мире многое изменилось...

Все наверху. Ну, тогда и я, голодный и злой, поднялся в свою комнату, и лег спать.

В первом часу ночи просыпаюсь от истошных мужских криков! Кричат по-английски и по-немецки! Но ЧТО они кричат?..

«Я, я, дасистфантастиш!!!» и многое другое из этой же серии!

Причем, кричат только мужчины, а женских голосов вообще не слышно!..

«Ну,— думаю, —Чудеса в решете! Попал в вертеп, как кур в оцип! У них там сексуальная оргия, а я их криками наслаждаюсь!»

Оделся. Сошел вниз.

Дед по-прежнему в кресле спит, а Сталин мне мячик несет, мол: «Давай играть, соотечественник!»

Вышел я во двор и глазам своим не верю: снег густой-густой валит! Дорогу замело, а на нашей машине уже полуметровая белая "шапка"! Что делать???

Вернулся в дом. Сижу у камина, пса мячиком развлекаю, и вдруг до меня доходит, что по такой дороге мы утром-то не уедем!..

Иду наверх – будить Жака. К черту фильм, к дьяволу деньги, лишь бы до цивилизации живыми добраться!

Стучу в дверь его комнаты, она открывается, а там – никого. И слышу – в соседней комнате Генрих с Льюисом и Жаком стонут сладострастно!.. Я махнул рукой и пошел вниз – греться у камина.

А там пьяненький дед спит в кресле, да еще Регина с Ингой спустились и молча сидят на диванчике, как две восковые фигуры музея мадам Тюссо!..

Озлобился я дико!!! – на Жака и на этих банкиров... И озлобился вовсе не на их сексуальную ориентацию. В мире искусства довольно-таки много гомосексуалистов и у меня к ним вполне толерантное отношение! Я ведь сужу о человеке по его талантам, а не по тому – с кем он спит!.. Чайковский был геем, но какая у него гениальная музыка?! Микеланджело, Шекспир, Оскар Уайльд, Фредди Мэркури, Элтон Джон...

Впрочем, мы отвлеклись!..

А дальше мне стало понятно, что я оказался в западне! Снег за ночь выпал метровый - ни пройти, ни проехать!

Дед Мартин говорит:

- Через неделю дорогу расчистят!.. А может через месяц!

А снег все валит и валит!!! И все едят свое, каждый в своей комнате, что называется, под одеялом!

Но я совсем чуть с ума не сошел, когда утром второго дня узнал, что Генрих и Льюис вовсе никакие не банкиры, а обыкновенные карточные шулеры, приезжающие вместе с Жаком к Мартину играть в покер и реализовывать свои любовные фантазии!..

Вот в такое замечательное общество я попал!..

Зачем эти анемичные немки приехали, и зачем Жак врал мне про банкиров?– до сих пор не пойму! Сразу отбрасываю мысль, будто бы француз принял меня за "своего" (то бишь – за "голубого"), поскольку Жак еще при нашем знакомстве на венецианском кинофестивале убедился – я "лесбиян" до мозга костей!..

Так зачем же он мне врал?..

Знаете, есть такая особая порода людей, которые лгут всегда и всем! Причем врут они, даже не задумываясь, что скоро их ложь раскроется, и тогда все над ними будут просто потешаться!.. Они лгут не ради славы или денег! Они лгут, потому что не могут не лгать!

В психиатрии – это малоизученный и, увы, неизлечимый вид психического расстройства!

Впрочем, рассказ не об этом...

Итак, почти пять дней проторчал я в этом "фешенебельном отеле"! – без еды, без тепла, а последние два дня еще и без света, потому что где-то внизу на подстанции произошло короткое замыкание!..

Может мы и месяц бы там сидели, если б я не дозвонился до своих друзей, которые прислали за мной спасательный вертолет...

Конечно, все хорошо, что хорошо заканчивается! Но за эти пять голодных дней и дикого одиночества среди людей, я очень многое тогда переосмыслил...

Я – дитя асфальта! Я – жертва цивилизации! Ее плоды напрочь убили во мне чувство природного самосохранения!

Еще совсем недавно (в привычной городской сутолоке) я казался себе таким сильным и уверенным: *«Здесь всё мое и всё для меня!»* А на самом деле – я беспомощный раб супермаркетов, метро, автомобилей, телевизора, телефона, интернета, электричества... И без всего этого я обречен на позорную гибель, на голодную смерть!.. И всё, что я считал своим, оказалось и не моим вовсе, потому что я не могу это взять с собой! И я зависим от цивилизации! – она поработила мои инстинкты! И все мои таланты, силы и деловые связи смехотворно ничтожны перед этой Великой Природой!!! И всё, всё, всё вокруг меня – во стократ сильнее меня, могущественнее! И я боюсь этого могущества! И Природа чувствует мой жалкий страх и презирает меня! Как будто и горы, и небо, и лес захотели вдоволь поиздеваться надо мною! Потому что Я– НОЛЬ, Я – НИЧТО!!! А у Природы лишь один Закон: *«Выживает Сильнейший!»*

В моем портмоне лежали деньги и кредитные карты, но здесь эти "символы благополучия", были также бессильны, как и я! Они не могли согреть меня, накормить, спасти!..

Я ведь предлагал старику Мартину и доллары, и Евро, но он не продал мне ни крошки:

- Зачем мне твои деньги? Ешь их сам!..

Сытый голодного не понимает!

А Жак на мои жалобы и просьбы корчил из себя такого несмышлениша:

- Что ты хмурый? Я тоже сегодня еще не обедал! Зато смотри – какая красота вокруг! Какие горы! Какой воздух!..

И я не выдержал – дал ему в челюсть со всей дури! Удар у меня хорошо поставлен. Зря что ли я с семи лет спортом занимался? Так что Генрих и Льюис минут десять приводили его в чувства, а потом уволокли Жака наверх (наверное, насиловать, пока не помер).

Это сейчас смешно вспоминать, а тогда мне было совсем не до смеха...

И вот о чем я подумал, когда остался в одиночестве среди людей...

Мои мама и бабушка во время Великой Отечественной войны пережили блокаду Ленинграда. И я представлял себе, что примерно это же самое должны были чувствовать и блокадные ленинградцы, когда по чьей-то страшной воле в одночасье рухнул их привычный довоенный мир! Война, блокада и грозная природная стихия решили продемонстрировать людям всю их человеческую слабость, беспомощность, зависимость и даже ничтожность! Кого-то это сломало, кто-то оскотинился, но большинство ленинградцев хоть и знали, что они обречены – не потеряли человеческого достоинства!..

А я? Я??? Совестно признаваться, но в те дни я чувствовал себя на грани помешательства!..

Такая вот история...

Кстати, Служба Спасения в Швейцарии работает также надежно, как и их часы! И спасатели несколько раз звонили Мартину, а он (обормот) им отвечал, что в помощи не нуждается и всё у него в полном порядке!

Впрочем, первые три дня к нам ни один вертолет всё равно не подлетел бы – шел снег. И только на четвертые сутки вечером небо прояснилось!

И еще, слава Богу, что я сумел дозвониться до друзей! – батарея на моем телефоне практически тут же разрядилась...

Однако самое удивительное во всей этой истории то, что на третий день моей "робинзонады" меня начал подкармливать ПЁС! Да, да!

Сижу это я, весь такой злой и разнесчастный, на крылечке дома, а он несет мне в зубах свою чашку, а там – каша!!!

Этот Сталин даже хлеб у Мартина для меня воровал! Я ем, а он на дверь озирается, чтобы предупредить меня - когда хозяин пойдет...

Удивительно мудрый пёс!

И хотя у собак во время еды инстинкт работает четко: *«Лучше я лопну, чем что-то в чашке останется!»*, но иногда животные оказываются на порядок благороднее многих людей!

ЧЕМ БЛИЖЕ УЗНАЮ ЛЮДЕЙ...

Однажды вечером, выгуливая свою собаку, я познакомился с интересным мужчиной.

Он представился Николаем Петровичем и, как оказалось, тоже был так сказать «собачником».

Если вы знаете, что такое – быть «собачником», то понимаете – почему о своих четвероногих друзьях их хозяева могут с упоением говорить часами.

Так случилось и на этот раз.

Мы с Николаем долго расхваливали друг перед другом своих питомцев. И как-то так само собой произошло, что мой собеседник вдруг предложил:

- А хотите – я расскажу Вам чудесную, где-то даже мистическую историю о том, как меня нашла моя собака?..

Я сразу почувствовал, что услышу удивительный рассказ!

И действительно – чутьё меня не обмануло...

В далёком 1965-м году (когда Николаю было 10 лет) отправился он с родителями на летние каникулы в глухую сибирскую деревню в гости к родному брату отца.

Дядя Олег любил грешным делом выпить, но дом у него стоял крепкий и, по тем временам, просто-таки огромный, а во дворе полно живности – куры, овцы, коровы.

И в этом же дворе властвовал огромный пёс по кличке Чёрный. Он действительно был весь чёрный, как смоль, только левая передняя лапа беленькая, будто «носочек» надет...

Никто не смел ступать во владения Чёрного, ограниченные радиусом стальной цепи. Драл он нещадно и скот, и люд. Лишь хозяину (дяде Олегу) позволял приносить еду и питьё. Да и то делал это с большой неохотой – ощетинившись и скалясь.

Особенно Чёрный не любил детей. Завидев их, он буквально свирепел, и рвался, что есть сил, к своей потенциальной жертве.

Если б не цепь... если б не цепь...

Вот так и заслужил Чёрный к своей кличке ещё одно прозвище – Бешенный.

Вот уже три дня, гостили московские родственники у дяди Олега.

Вечером, когда мужчины в очередной раз отмечали встречу бутылкой самогона, в дом влетела жена хозяина – вся в слезах и крови. Ведь всего-то на секунду женщина зазевалась, а Бешенный-Чёрный цапнул-таки её за ногу.

Подвыпивший дядька, матерясь, схватил со стены двустволку и, на ходу заряжая ружьё, бросился на крыльцо! За ним во двор высыпали все остальные – и взрослые, и дети. ежду тем, никто и не думал останавливать расправу над Бешеным.

А Чёрный был не только злым, но и чрезвычайно умным псом. И нутром своим звериным, тут же почувствовал – ЧТО сейчас произойдёт! Он зарычал, ощерился и, прижавшись боком к забору, замер, ожидая фатального ружейного хлопка...

Чёрный вполне мог спрятаться в будку, но он был гордым и видимо решил погибнуть достойно (с вызовом!), глядя прямо в глаза человеку с ружьём!!!

И дальше случилось то, чего никто не мог ожидать!

В тот момент, когда дядя Олег уже вскинул двустволку и коснулся пальцем спускового крючка, Коля бросился к собаке с криком:

- Не стреляйте! Не надо!!!

Он обхватил огромного пса за шею, закрывая Чёрного своим хрупким тельцем. Но было поздно! – выстрел прозвучал!!!

По чистой случайности ни мальчик, ни собака не пострадали. Дядька был опытным охотником и в самый последний момент сумел отвести ружьё.

От увиденного люди просто оцепенели!

Все стояли, как вкопанные, представляя себе – вот ещё мгновение и Чёрный растерзает Колю!..

Но похоже Бешенный пёс удивился произошедшему не меньше людей, и растерянно косился на своего спасителя.

А мальчик зашёлся в истерике так, что опомнившийся и моментально протрезвевший дядя Олег с трудом успокоил его и на руках отнёс племянника в дом...

Ночью у Николая от нервного напряжения поднялась температура под 40. Он метался в бреду и стонал лишь одно:

- Не стреляйте! Не стреляйте!..

Взрослые стояли у постели больного и вдруг слышали и увидели в окно, как во дворе истошно воет и мечется на цепи пёс!

Дядя Олег, повинувшись скорее не разуму, а инстинкту старого таёжника, вышел во двор и отпустил пса.

На этой цепи Чёрный просидел ПЯТЬ ЛЕТ! – поневоле станешь озлобленным! В хозяйский дом он заходил последний раз, когда был ещё беспомощным щенком.

Но сейчас все запреты сняты! И пёс, не замечая людей, подбежал к постели Коли. Заботливо урча, Чёрный стал осторожно слизывать с лица мальчика холодный пот.

Эта невероятная сцена, так тронула сердца присутствующих, что женщины заплакали, а мужчины, смущённо пожимая плечами, чесали затылки...

Впрочем, Чёрный не нуждался в сантиментах! И, злобно рыкнув на людей, он продолжал вылизывать лицо и руки своего спасителя.

Странное дело, скоро мальчик успокоился и уснул. А пёс бесцеремонно улёгся возле кровати, всем своим грозным видом давая понять, что ни на шаг не отойдёт от Николая.

Утром мальчик проснулся практически здоровым. И Чёрный, с чувством выполненного долга, отправился во двор – к презренной цепи.

Коля ещё месяц жил у дяди и с утра до позднего вечера играл с Чёрным. Никого, кроме мальчика и хозяина, пёс по-прежнему к себе не подпускал. Хотя и перестал бросаться на людей, лишь грозным рыком предупреждая посягательства на свою Священную территорию.

Однако с Колей Чёрный вёл себя словно щенок.

За это время мальчик и собака стали большими друзьями.

Но... всё когда-нибудь кончается. Закончилось время отпуска.

Родители Николая долго и безуспешно пытались объяснить сыну, что Чёрный должен остаться здесь, что это пёс дяди Олега и что даже если дядька и отдаст Чёрного, то всё равно их не пустят в поезд с собакой. Но ни Коля, ни Чёрный никак не могли понять – ЗА ЧТО их хотят разлучить?..

Сцена прощания была страшной!

Мальчик стоял на коленях в траве и плакал. А пёс положил свою голову на его плечо и тихо подвывал в такт рыданиям Коли.

Чёрный тоже плакал! – это видели все.

Затем пёс встал и обречённо заполз в свою будку, а родители подняли сына и отправились на вокзал...

Через месяц от дяди Олега пришло письмо, которое Николаю зачитали лишь спустя два года.

В том письме сообщалось, что к вечеру того же «прощального» дня Чёрный издох.

Он так и не вышел больше из своей конуры...

Прошло много лет.

Николай Петрович никогда никому не рассказывал об этом драматическом эпизоде. Даже жена и дети ничего не знали.

И вот – три года назад – возвращается он из длительной командировки в Москву, а на пороге его встречают дочь и супруга со щенком на руках.

Щенок весь чёрный и лишь левая передняя лапка беленькая – будто носочек надет!!!

Николаю Петровичу враз сдавило дыхание, и слёзы подступили к глазам.

- Коля, смотри – какой милый щенок! – оправдывалась жена, – Мы нашли его на улице, возле нашего подъезда. Пусть он у нас живёт?! У нас ведь никогда не было собаки...

Николай Петрович бережно взял щенка, прижался к нему лицом и, не обращая внимания на недоумённые взгляды супруги и дочери, разрыдался:

- Ты нашёл меня... нашёл!.. Я знал, что ты меня найдёшь!..

ПОЧЕМУ ХРИСТОС НЕ УЛЫБАЛСЯ...

*Лекарствам нет места там, где то,
что считалось Пороком, становится обычаем.*

Сенека «Письма»

Обожаю Италию!!! Каждый год мы с женой отдыхаем здесь.

Но на этот раз я прилетел сюда без супруги и по весьма печальному поводу – скончался мой итальянский Друг и Учитель...

На панихиде я не был (московские дела задержали).

А может это и лучше... Все (без исключения!) похоронные церемонии отдают тошнотворной ритуальной казёнщиной и поминальным пустословием совершенно посторонних людей: «Он ушел в лучший мир!..», «Память о нем мы сохраним в наших сердцах!..», «Пусть ему земля будет пухом, а душа вознесется в рай!..»

Тьфу! – противно!!! От одних таких речей умереть можно!..

Добравшись до его родной деревушки SantarcangelodiRomagna, я долго стоял у стены старинного замка, в которую (согласно завещанию Учителя) замуровали урну с его прахом. Стоял, вспоминал и плакал...

Вслух я никогда не называл его «Учителем».

Догадываетесь – почему?..

Да потому что, увы, никого нельзя научить быть талантливым! Никого!..

Конечно, общаясь с Гением, научиться можно многому, но...

Гениальность – не инфекция! Она не передается воздушно-капельным путем, сколько не дыши одним воздухом рядом с одаренным человеком...

Когда-то я сказал ему:

- Хочу написать книгу о вас!..

А он хрипло и рвано засмеялся, будто закашлялся, и воздел руки к небу:

- Как говорит Аль Пачино: «Тщеславие – мой любимый грех!» – и, хитро прищурившись, добавил, – Но я не тщеславен, и мне не нужен памятник при жизни!.. А после моей смерти, твоя книга вообще никому не будет нужна!.. Вот и подумай, Александр: стоит ли тратить время на пустяки?..

В тот день я усомнился, но спорить не стал. А теперь понимаю, что он был прав.

Об известных людях надо писать биографические книги лет через сто после их смерти.

Во-первых, никто уже не скажет биографу: «А я знавал покойного совсем с другой (негативной) стороны! – редкостный был мерзавец!..»

А во-вторых, самим временем проверится – настолько ли оправданным было величие этого человека при его жизни?! Будут ли потомки и через столетие помнить его имя, любить и почитать всё то, что он когда-то сделал?

К вдове я не пошел. Зачем? – чтобы «дежурно» отметить и выразить свои соболезнования?.. С нею я не настолько близко был знаком, а она, наверняка, и без меня уже устала от бесконечной безликой вереницы «искренне скорбящих», но малоизвестных ей «друзей» ее великого мужа.

Все эти бла-бла-благородные сочувствующие входят в дом со слезами на глазах (и с пустыми руками!), но всех их надо приветить, напоить кофе и чем-нибудь покрепче, да еще и выслушать их утомительную болтологию...

Как ни кощунственно это прозвучит, но вдов надо жалеть больше, чем их покойных мужей...

Поэтому я сразу отправился на вокзал и уехал в Рим...

Вечером посижу в ресторанчике, помяну, а завтра днем улечу в Россию.

Выйдя с римского вокзала, я пешком дошел до Piazzadella Repubblica и, не мудрствуя лукаво, уселся в первом же ресторане на via Nazionale. Заказал двести пятьдесят граммов водки Smirnoff, мандарины и хлеб.

Высокий худой официант с прыщавым болезненным лицом несколько удивился моему заказу:

- *Что предпочитаете из горячих блюд?..*

- *Пока ничего!* – коротко ответил я, но обнадежил парня, – *Может быть, чуть позднее...*

Что же так тяжело на душе, а? Думал: приеду в Рим – развеюсь...

Как там у Екклесиаста? *«Всему своё время, и время всякой вещи под небом: Время рождаться, и время умирать... всё – суета!..»* Десятки веков назад это сказано, а мы (эх, люди-люди-человеки!) соглашаемся с этой мудростью, восхищаемся ею и всё равно суетимся, суетимся, суетимся...

Уф-ф-ф! Что-то мне сегодня очень тяжело!.. Опять – комок в горле и слезы подступили...

- *Вы кого-то ждете?..* – поинтересовался официант, когда принес мой заказ.

- *Нет! Я одинокий странник во Вселенной!* – через силу (и поэтому не очень удачно) пошутил я.

- *Хорошо, синьор пилигрим!.. Приятного вечера!..*

Водка оказалась отвратительно теплой, будто подогретой! И после первой же рюмки (теплая водка на голодный желудок! – быр-р-р...) я понял, что этак меня быстро «развезет». Я залпом выпил еще рюмку, закусил долькой кисло-сладкого мандарина, и попросил официанта, чтобы он перенес весь мой нехитрый разблюдаж на открытую веранду – там под тентом пустовали два небольших столика для курящих...

Вечерняя весенняя прохлада мигом остудила голову. Наглухо застегнув кожаную куртку, я сел за столик и закурил.

Третья и четвертая рюмки пришлись, как нельзя кстати. И водочка показалась мне не такой уж отвратной, и я согрелся изнутри и разомлел. Траурные мысли развеялись, и я улыбнулся! – мне стало хорошо!..

Припомнилась еще одна гениальная фраза, превратившаяся в набившее оскомину словоблудие: *«Все мы смертны, но жизнь продолжается!..»* Когда люди произносят это («на автомате»), они даже не задумываются над уникальной философской широтой и высотой этой мудрости!

Да, все мы смертны, а ЖИЗНЬ (почему-то) ПРОДОЛЖАЕТСЯ!!! Значит – Жизнь сильнее смерти?! И соломоновы догмы совсем не пессимистичны! – они ясно дают нам понять: *«Живи, пока живешь! ЖИВИ и РАДУЙСЯ, что живешь! От твоей скорбной морды лица не станет лучше, светлее, чище!..»*

Знаете, что меня неприятно удивляет в канонизированных Евангелиях? – Иисус Христос никогда не улыбался!!! Ортодоксальная церковь «подчистила тексты», и сделала из Него образ Мученика!..

А, по-моему, Он был веселым парнем с озорными глазами! Ну, не может быть «тоскливым дятлом» такой молодой мудрец!.. Молодость, помноженная на Мудрость, даёт в сумме Радость!!!

Может быть, за эту Вечную Радость Жизни, которой Он учил людей, Его и распяли?..

Христос завещал: *«Возлюби врагов своих!..»* Но как можно кого-то «возлюбить», не улыбаясь при этом?

Ага, представляю: вот идет мой враг, а я вдруг бросаюсь к нему на шею, рыдая и истошно завывая: *«Как же я тебя люблю!!!»* После этого он еще больше меня возненавидит!..

Нет, вся Сила Любви – в Улыбке!!!

Подойди к врагу, улыбаясь не только лицом, но и сердцем, протяни ему свою руку и тогда...

Мда... Если ты, Александр Батькович, поминая, начал философствовать – стало быть, ты уже «хороша душа»! Лучше выпей-ка еще рюмашку, закури и полюбуйся Вечным Городом!

И я выпил, и закурил, и...

Эта красивая девушка (на вид ей – не более 25-ти лет) сразу привлекла моё внимание.

Невысокая, с шикарными черными волосами до плеч, и чисто латинским профилем: прямой тонкий нос, большие черные глаза и пухленькие губы (такие губы я называю «ням-ням»). Красотка была одета в недорогой, но довольно-таки приличный вечерний шерстяной костюм, плотно облегающий и подчеркивающий ее аппетитные формы: выдающуюся вперед грудь, плоский живот и тонкую талию, в меру широкие бедра и спортивные (как у теннисисток) ноги в ажурных чулочках и замшевых темно-коричневых полусапожках на высоком каблуке.

Она вошла на веранду перед рестораном и грациозно, закинув ногу на ногу, уселась за соседний со мною столик.

Практически тут же к ней подскочил худой прыщавый официант, который обслуживал и меня. Он молча поставил перед девушкой бокал красного вина и стакан воды без газа.

Я догадался, что это «дежурный заказ» красотки. Судя по всему, она завсегдаятай этого ресторанчика.

Нет! – поправил я сам себя. Она местная проститутка! А летняя веранда – это ее плацдарм для съёма клиентов.

Хотел бы я ошибаться, но, скорее всего, так и есть!

И, чтобы проверить свою догадку, я обратился к молодой красотке с игривой учтивостью сорокалетнего ловеласа:

- Простите... могу я угостить вас шампанским?

- *Шампанским?..* – чуть брезгливо усмехнулась она, – *Кто же пьет шампанское в такую погоду? Холодно...*

- *Мы можем пройти внутрь! – там тепло!..*

- *Там нельзя курить...* – огорченно вздохнула она и достала из сумочки длинные тонкие дамские сигареты и зажигалку.

Она закурила и вполоборота повернулась ко мне:

- *Вот скажите: какой идиот придумал, чтобы курящие люди сидели на улице, а некурящие – в душном помещении? Некурящим свежий воздух полезнее!..*

В этом тихом, но гневном ее замечании было что-то наивно-детское (она даже надула и без того пухлые свои «ням-нямы»). И никакого кокетства, ни капли заигрывания со мною – с ее возможным клиентом (?), который, как учили в Советском Союзе, «всегда прав!»

Я несколько опешил. Неужели ошибся? Но буквально через мгновение она взмахом изящной руки подозвала официанта, который ожидающе маячил за витражом, и он подскочил к ней по первому ее зову.

Толи ему, толи мне, толи нам обоим, красотка сказала:

- *Я выпью Hennessy-ХО!* – и изучающее поглядев на меня, спросила, – *Вы не возражаете?*

- *Простите... Коньяк – за счет синьора?..* – не без ехидства уточнил у меня прыщавый.

Я кивнул и официант, холодно изобразив улыбочку, переходящую в кривую усмешку, скрылся за дверью.

Теперь нет сомнений – она проститутка, а этот худой прыщ – он с ней заодно. И весь этот четко отработанный ритуал с разводом потенциального клиента на дорогой коньяк и «прочие услуги», позволяет ей ежевечерне занимать данный плацдарм, когда она выходит на «охоту».

И всем хорошо! То бишь – каждый получает то, что хотел! Ресторан и проститутка – при деньгах, а за все эти удовольствия платит доверчивый сластолюбец-клиент...

Меня, естественно, несколько покоробил их дешевый спектакль. Она, конечно, секс-бомба, однако я не любитель собирать цветочки на минном

поле. И посему я решил поставить точку – расплатиться и уйти. Погусарил маленько – и баста!

Но красотка снова села вполоборота ко мне (так, чтобы я в очередной раз смог восхититься ее великолепными сексуальными формами!), и тихо (как бы, между прочим) спросила:

- *Вы русский?*

- *Да...* – нехотя буркнул я, глядя через витраж внутрь ресторана, чтобы подозвать официанта для расчета.

Но прыщавый шельмец куда-то потерялся.

- *В Риме по делам или отдыхаете?*

- *Я прилетел на похороны друга...*

Девушка вскинула бровь и вопросительно уставилась на меня.

- *Тонино Гуэрра...* – зачем-то пояснил я и спросил, – *Вы его знаете?*

Красотка эффектно всплеснула руками:

- *Кто же в Италии не знает Гуэрра?.. Но, простите... неужели вы – «ДРУГ» Тонино Гуэрра?..*

От этого прямого вопроса, выражающего язвительное сомнение, мне стало несколько совестно.

- *Вообще-то, я неправильно выразился... «Друг» – это слишком почетно для меня... Гуэрра – Мастер, а я – ремесленник... Но пять лет назад, когда я писал книгу о русских эмигрантах, мы познакомились и он любезно помог мне дельными советами... Вот я и прилетел, чтобы проститься с Мастером...*

- *Значит, вы – русский писатель?..*

Я улыбнулся и, пожав плечами, неопределенной гримасой скромно обозначил, мол: *«Ну, да... писатель... что-то вроде того...»*

Где этого прыщавого черти носят? Я всё еще намеривался уйти...

Но девушка, слегка запрокинув голову, так многообещающе глядела на меня, что я решил: *«А-а, плевать! – посижу, поболтаю с красоткой! Авось, что-нибудь и срастется... Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть!..»*

- *Вы хорошо говорите по-итальянски!* – вполне искренне похвалила она и, выстраивая мостик для дальнейшего общения, представилась, – *Мария...*

- Александр... – кивнул я и уже без церемоний добавил, – *Вы позволите, я пересяду за ваш столик?..*

- *О-о, давно пора перейти Рубикон!..* – засмеялась Мария.

И в легком аристократичном поклоне, грациозно разведя руками, на ломаном русском она произнесла нараспев:

-*Товарисч!..*

Ну что же, тогда *«Aleajactaest!»* – как говорил в таких случаях Юлий Цезарь.

Я уже допил свою водку, поэтому переместился за ее столик налегке...

И только я пересел – мигом нарисовался официант. Он поставил перед Марией бокал с коньяком и с наигранной учтивостью поинтересовался:

- *Что синьор будет заказывать?*

Вот прыщавая бестия! – спросил так, будто я только что пришел!..

- *Триста грамм коньяка и лимон...*

- *И горький шоколад...* – добавила Мария.

Прыщавый унесся, а красotka, озорно поглядев на меня, снова весело засмеялась:

- *После водки коньяк заказывают только русские! Товарисч!..*

- *Мария, лучше если вы будете называть меня по имени...* – улыбнулся я и напомнил, – *Меня зовут Александр!*

- *О-о, нет! Я буду называть вас «товарисч»!* – безапелляционно заявила она и, сверкнув черными своими глазищами, будто пригвоздила меня к стулу, – *Вы хоть и писатель, но ведь не Борис Пастернак!*

- *Вау!!!* – изумился я, – *Вы знаете – кто такой Пастернак?*

Девушка усмехнулась:

- *А почему вас это удивляет?*

- *Просто... Мало кто сегодня...* – растерянно начал было я, но тут же осёкся, потому что Мария отмахнулась, прерывая моё бляенье:

- *«Доктор Живаго» – это роман не для «сегодня», а НА ВЕКА!!!*

Она сказала это совершенно серьезно, каким-то необыкновенным чувственным полупшепотом, а затем прищурилась и тихонько спросила:

- Вы понимаете – почему я говорю «на века»?..

- Да, понимаю... «На века»... Вы правы...

Всё это я не сказал, а почти что промямлил, потому что, если честно, то ни черта не понимал! – «не состыковка» получалась!

Как (КАК?) итальянская путана (!) так верно (одной единственной фразой!) передала всю ценность творчества Пастернака? А ведь лично для меня эта фамилия – как некий Символ, Тайный Знак Священного Ордена!!!

А красотка затараторила быстро-быстро, эмоционально жестикулируя руками и елозя попой на стуле:

- Пастернак – удивительный писатель! Он, как пасьянс, раскладывает всю женскую психологию! Впервые я прочла «Доктора Живаго», когда мне было лет пятнадцать, и меня потрясло, что Лариса Гишар говорила моими словами, думала моей головой, страдала моим сердцем!!! Я была в шоке! Как будто кто-то рассказал мне обо мне – о самых потаенных моих мыслях и желаниях, о радостях и бедах!!! О-о! Это ФАНТАСТИКА!!! Грандиозно!!! Потом я даже просила всех, чтобы отныне они называли меня «Лара» или «Лариса»!.. Да, да!!!

- Но Лариса – это греческое имя! – улыбнулся я, – По-русски – это звучит, как «чайка», а в переводе на итальянский – «gabbiano»...

- Да? Я и не знала!.. Всегда думала, что Лара произошло от латинского слова «lares»...Lares – это духи, охраняющие дом и семью!.. Как, говорите, звучит по-русски?

- Чайка... чай-ка...

И она мечтательно-тихо, словно смакуя слова, дважды повторила:

- Лариса, тчайка, gabbiano... Лариса, тчайка, gabbiano...

Приложив ладонь к груди, Мария счастливо расхохоталась. И сделав глоток из бокала, вдруг встрепенулась, заворковала:

- О-о! Хотите – я открою вам одну мою маленькую тайну!.. Только не смейтесь!!!

Я «спрятал» улыбку и молча кивнул, а красотка облокотилась на стол и заговорщицки выпалила:

- Раньше я гадала на Библии, а теперь – на «Докторе Живаго»! Задаю себе любой вопрос, крепко закрываю глаза (так, чтобы не подглядывать!), открываю книгу и указательным пальцем – на первый попавшийся абзац! И верите? – всё сбывается!!! Всё в точности, как мне книга предсказывает!!!

О-о, хотите еще тайну? – с некоторых пор я всех людей примериваю на героев этого романа! – и сразу становится понятно: кто есть кто и на что способен!..

- А я – КТО?..

- Вы?.. – красотка замолчала, на секунду задумавшись, и, хлебнув коньяк, звонко засмеялась, – Вы уж точно не поэт Юрий Живаго! – хоть и говорите, что вы писатель!.. Но какой вы писатель?.. Вы – адвокат Виктор Комаровский!

Я, откинувшись на спинку стула, расхохотался и (прямо, как итальянец) замахал руками:

- Нет, нет, нет! Мимо, мимо!!! Я, конечно, хотел бы быть таким же прагматичным и деловым, как адвокат Комаровский, но... – пока что не получается! И думаю – уже не получится!..

- Ну, тогда вы – Стрельников! Что еще хуже для вас!.. – сказала она и вдруг резко замолкла, будто ее выключили.

В этот момент наш прыщавый официант принес наконец-то Hennessy и шоколад. Он неторопливо разлил коньяк по бокалам и, многозначительно пожелав нам «Приятного вечера!», ушел.

Я хотел возобновить прерванную беседу, но что-то меня остановило. Мария всем своим монументальным видом показывала, что «продолжения не будет», и взгляд ее только что горящих глаз начал остывать, остывать, остывать... И в этом ее холодном взгляде я подсознательно прочёл: «СТОП! Хватит лирики!.. Пастернак – это ПАСТЕРНАК!!! Он Гений! А вы, синьор, для меня – «товарисч» клиент!..»

Красотка удивительно просто, без фокусов и кокетливых выкрутас, как по полочкам, расставила приоритеты!

Да оно и верно! – чего с нами, сорокалетними кобелями, миндальничать?

Окей! Условия принимаются!..

Я залпом выпил коньяк, налил еще, и тогда уже (тоже без обиняков!) прямо спросил:

- Мария, сколько стоит час любви?..

Она взглянула на меня совсем уже ледяным взором и удовлетворенно качнула головой:

- Всё-таки я не ошиблась! Вы – Комаровский!.. Ну, что ж, мне нравятся конкретные мужчины!.. Час секса стоит 150 Евро!..

Хрен знает – что произошло со мною?!

Я готов был взорваться и заорать: «Девочка, как же ты еще не поняла? Да не хочу я с тобою банально потрахаться! Ты же не резиновая кукла!!! Секс – это, конечно, прекрасно, и само собой разумеется, но мне поговорить с тобою хочется, в душу твою заглянуть! Ведь от этого общения нам обоим легче станет!!! И ты знаешь не хуже меня, что это будет не секс, а обоюдная психотерапия! Ведь ты знаешь, чувствуешь, понимаешь, что и мне, и тебе сейчас одинаково хреново!!! А будет хорошо!.. Так зачем же мы ломаем эту комедию? Давай утешим друг друга! Хотя бы на час, на два или на ночь! – чтобы потом вспоминать об этом всю оставшуюся жизнь!!!»

Всё это мгновенно пронеслось в моей хмельной голове, но...

Но мои знания итальянского языка всё-таки были не настолько хороши, чтобы доходчиво воспроизвести всё, что я подумал своим пьяным русским умом!

Поэтому, сгорая от непонятого возбуждения, я выпалил простейшее (то есть – первое попавшееся), что пришло на ум:

- Я хочу не секса, а Любви!

Мария с иронией окинула меня коротким взглядом – с ног до головы – и, поднимая фужер с Hennessy, молча покачала головой, как бы удивляясь моей наивности. Она пригубила коньяк (я заметил, как дрожат пальцы ее изящной руки), очень грустно улыбнулась, и тоном слегка утомленного экскурсовода, пояснила:

- Товарисч, если вы покупаете билет на поезд, вы же не покупаете сам поезд?! За 150 Евро можно приобрести только услуги на час...

Мария поглядела на мое обручальное кольцо и усмехнулась, перейдя на «ТЫ»:

- Зачем тебе моя любовь? В России тебя ждет супруга... Ты ведь женат?..

- Да, женат...

- А я замужем... – она сказала это так тихо (даже стыдливо!), будто нас кто-то подслушивает.

Я резко обернулся и заметил, что худой прыщавый официант через витраж внимательно наблюдает за нами.

- *Это он?..*

Мария слегка прикусила нижнюю губу (видимо, чтобы не расплакаться), но быстро совладала с нахлынувшими на нее эмоциями, и выдохнула:

- *Он... Мы хотим накопить немного денег и уехать отсюда. В Риме жить дорого и... я боюсь этого города...*

Она вновь закурила, тяжело усмехнулась и очень тихо сказала, будто попросила:

- *Поэтому... не надо Любви... мне надо деньги...*

Ах ты, девочка, девочка! Милое глупое создание! «Доктором Живаго» восхищаешься, с Ларисой Гишар себя олицетворяешь! Зачем же ты вышла замуж за этого прыща-урода, который тебя под клиентов подкладывает? Ведь он, поди, как только увидел меня, так сразу же тебе и позвонил – «на работу» вызвал. Мол, «сидит здесь у меня сорокалетний русский баран (“пилигрим Вселенной”), и в одиночестве водку хлещет!..» Вот ты и притопала...

Впрочем... наверное, ты права, девочка: не надо никакой «любобной психотерапии!» – всё это чешуя собачья!!! Даже если нам будет О-ОЧЕНЬ хорошо – мы только душу себе разбередим, а потом... Потом я улечу в холодную Москву, а ты останешься здесь – с ним...

Я с сожалением поглядел на красотку.

И она тоже взглянула на меня своими черными глазищами – очень зло и пристально! – будто это именно я виноват в ее судьбе. Я и такие, как я, в общем – все мужики-кобели...

Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, Мария-Лариса!..

Ты – красивая, нежная и веселая – конечно же, мечтаешь о большой и настоящей Любви, а не о каком-то «грошовом» счастье! Тебе бы заботливого мужа или хотя бы искреннего мужского внимания... А вместо этого мы, мужики, только пользуемся тобой, чтобы через час раствориться в толпе и забыть о тебе. И мы, придя домой, станем убедительно врать своим женам, как много у нас дел и как мы «смертельно» устали! А наши жены поверят нам или сделают вид, что поверили...

Да, это так! – все мы врём о любви! Все, всё и всегда...

А ты... ты честнее нас? – а, Мария-Лариса?..

Господи, как всё это мерзко!!!

«Радость Жизни» – мы, похотливые людишки, превратили в пошлость и разврат, в ложь и притворство, в предательства и алчность...

Как мы можем кого-то «возлюбить», если мы самих себя не любим? Не умеем мы любить...

Может быть, именно поэтому Иисус Христос и не улыбался, предвидя всё это?..

Молча собрав чеки, я поднялся. Бегло сложил сумму в «итога», достал деньги, отсчитал и положил купюры на столик, прижав их пепельницей.

И всё-таки мне очень (очень!) хотелось, чтобы Мария перевела всё в шутку, взяла меня за руку и, тепло улыбнувшись, сказала: «Ну, куда ты, товарищ?..» И я бы остался...

Или просто, на прощанье, она прошептала бы: «Прости, Александр!..» И я бы ответил: «Это ты меня прости!..»

Но она отрешенно молчала, и только длинная тонкая сигарета в ее руке чуть-чуть подрагивала, выдавая нервозность.

Я пошел прочь...

Пройдя метров двадцать, прежде чем свернуть за угол, я остановился и обернулся.

Мария по-прежнему сидела на своем месте, а перед нею стоял её худой и прыщавый муж, как неуместный восклицательный знак перед запятой. Он держал в руках мои деньги, и без умолку говорил, говорил, говорил... Мне показалось, что сначала он потешался надо мной, а потом принялся что-то выговаривать ей...

А Мария молчала. Она не смотрела ни на мужа, ни на меня, а глядела куда-то в сторону и, наверное, повторяла про себя, как заклинание: «Лариса, тчайка, gabbiano... Лариса, тчайка, gabbiano... Лариса, тчайка, gabbiano...»

*Я не свят, и вряд ли буду,
Но когда-нибудь... потом
Божий Кнут я раздобуду,
Чтоб хлестать себя кнутом!!!*

*По спине!!! По лицу!!!
По рукам!!! По ногам!!!
Так и надо, подлецу!!!
Поделом!!! По делам!!!*